

УДК 316.422; 330.341.1

ПЕТР ЕЩЕНКО,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Неошумпетерианская парадигма инновационного хозяйствования как императив развития Украины

Аннотация

Статья посвящена исследованию вклада выдающегося австро-американского экономиста и социолога Йозефа Шумпетера в теорию экономического развития на основании предпринимательской инновационной деятельности. Анализируя состояние и динамику мировой экономики в XX столетии и в начале XXI века, авторы показывают существенные преимущества неошумпетерианской деятельности и полную бесперспективность неомальтузианской активности, воспроизводящей экономическую отсталость бедных стран. Большое внимание в статье уделяется причинам и последствиям инновационного дефолта в Украине в течение реализации “радикальных экономических реформ”. Особый акцент сделан на необходимости быстрого вывода нашей страны на магистральный путь инновационного развития как главного средства ее выживания в современных условиях глобализации мировой экономики.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, инновационная парадигма, неошумпетерианская активность, неомальтузианская активность, инновационный дефолт, глобальный финансово-экономический кризис*

Шумпетерианские компоненты инновационной деятельности

В центре внимания социальных наук с начала XX столетия находится вопрос, почему некоторые страны при схожих условиях и ресурсах демонстрируют более высокие темпы экономического роста и развития, чем большинство других стран мира. В экономической теории и социологии одним из первых предпринял попытку дать ответ на этот вопрос выдающийся австро-американский экономист и социолог Йозеф Шумпетер¹. В поиске причин хозяйственного преуспевания одних и отставания других стран он пришел к выводу, что магистральный путь прогресса в этом отношении лежит в плоскости экономической деятельности, основанной на широком внедрении нововведений в социально-экономическую практику, и быстрой диффузии инноваций.

Новое видение успешного, эффективного хозяйствования Шумпетер изложил в своих основных научных трудах — “Природа и суть теоретической национальной экономики” (1908), “Теория экономического развития” (1912), “Экономический метод и доктрина: исторический очерк” (1914), “Экономические циклы” (1939), “Капитализм, социализм и демократия” (1942), а также в неоконченной трехтомной фундаментальной работе “История экономического анализа”. Последнее произведение стало итогом его научных исследований на протяжении последних 12 лет жизни и было подготовлено к изданию его супругой и друзьями после смерти автора в 1950 году и вышло в свет в 1954 году. Особое место в жизни Шумпетера заняла разработка теории экономической динамики. Как убежденный маржиналист, он считал наиболее развитой концепцию общего экономического равновесия Л.Вальраса. Однако, по его мнению, последняя тоже была статичной и нуждалась в дополнении теорией динамики экономического развития.

Всесторонне исследуя сущность и факторы экономического развития, Шумпетер поставил в центр внимания не “количественный экономический рост”, а “качественное развитие”. Достижение последнего возможно при постоянном изменении, обновлении используемых производственных ресурсов. Чтобы экономика получила динамичное развитие, нужны предприниматели-новаторы, способные практически осуществлять следующие пять видов “*новых комбинаций*” [Шумпетер, 2008: с. 132–133]: 1) производство новых благ и улучшение качества существующих благ; 2) внедрение новых способов производства или коммерческого использования существующих товаров; 3) открытие и освоение новых рынков сбыта; 4) освоение новых ис-

¹ *Йозеф Алоиз Шумпетер* родился 8 февраля 1883 года в городе Триш (Австро-Венгрия) в семье мелкого текстильного фабриканта и дочери венского врача, окончил юридический факультет Венского университета. Среди его учителей — отцы маржинализма *Ойген фон Бём-Баверк* и *Фридрих фон Визер*. Значительное влияние на научные взгляды Шумпетера оказала немецкая историческая школа, прежде всего труды Макса Вебера и марксизм. Научно-педагогическую деятельность начал в Черновицком университете. Работал в Австро-Венгрии, Германии, а после эмиграции в связи с ростом фашистской угрозы в 1932 году — в США, до конца своей жизни был профессором Гарвардского университета. Он — и австрийский, и американский экономист и социолог. Признанием его заслуг в области экономики и социологии стало его избрание президентом и Американской экономической ассоциации, и Американской социологической ассоциации.

точников получения сырья и полуфабрикатов; 5) проведение реорганизации в отрасли и создание промышленных организаций нового типа.

Для осуществления новых комбинаций “предпринимателю нужна покупательная сила, которая не предоставляется ему автоматически как производителю в процессе кругооборота в форме дохода от продукта предшествующего периода. Если предприниматель случайно не обладает покупательной силой заранее — и если это происходит, то только как следствие предшествующего развития, — он должен ее у кого-нибудь “занять” ... Нельзя стать предпринимателем, не став предварительно должником. Он становится должником в силу внутренней необходимости, присущей процессу развития. Становление должником является самой сутью явления, а не аномалией, не досадным событием, вызванным случайными обстоятельствами. Первая потребность предпринимателя есть потребность в кредите” [Шумпетер, 2008: с. 174–175]. Предприниматель использует кредит как фактор развития для новых комбинаций инновационного характера, а не для погашения долгов его получателем.

Изучая экономическое развитие капиталистического общества, Шумпетер сформулировал динамическую концепцию цикла, в которой цикличность проявляется в отклонении экономики от состояния равновесия и рассматривается как закономерность экономического роста. Такая форма развития экономики подобна восхождению и нисхождению по лестничным ступенькам. В рамках этой формы инновационное развитие также осуществляется как по восходящей, так и по нисходящей линии. Это обусловлено исчерпанием старых инноваций и приходом на смену им новых инноваций. Нововведения выводят экономику из состояния равновесия и стимулируют рост капиталовложений в новые технологии. Однако согласно теории Шумпетера цикличная динамика развития капиталистической экономики не может быть нарушена и будет иметь место в будущем вместе с экономическими кризисами.

Убедительным подтверждением правильности вывода Шумпетера о циклическом характере развития капиталистической экономики служит современный первый в истории человечества глобальный финансово-экономический кризис, который может превзойти, по мнению многих ученых с мировым именем, Великую депрессию 1928–1933 годов по многим из основных показателей. Нынешний крах глобальной валютной и хозяйственной систем еще раз наглядно продемонстрировал, что так называемая новая экономика не дает оснований списывать традиционный экономический цикл в исторический архив, несмотря на поспешные заявления сторонников “информационного общества”, звучавшие на изломе двух веков. Более того, в августе 2011-го в интервью газете “Уолл-стрит Джорнел” профессор экономики Нью-Йоркского университета Н.Рубини (который четыре года назад предсказал неизбежность нынешнего глобального финансового кризиса) отмечал: “Карл Маркс прав. На определенном этапе капитализм может сам уничтожить себя ... Мы думали, что рынки работают. Но они не работают. То, что является рациональным на индивидуальном уровне ... является самоуничтожающим процессом” (цит. по: [Lazzaro, 2011]). Примерно то же самое говорил и Шумпетер в своем труде “Капитализм, социализм и демократия”. В нем подчеркивается, что социалистическая организация общества неизбежно вырастет из такого же неизбежного процесса разложения

капиталистического общества. По мнению Шумпетера, социализм станет следствием исчезновения традиционного предпринимателя с экономической арены капитализма в связи с выходом на нее крупных корпораций и необходимостью введения экономического планирования.

Шумпетер ввел понятия *эффективная конкуренция* и *эффективная монополия*. По его мнению, конкуренция эффективна, если экономическая прибыль получается за счет экономии издержек, повышения качества продукции и расширения ее ассортимента; монополия также эффективна, когда она основана на нововведениях и эффекте масштаба производства, а не только на праве собственности. Как и *оптимум Парето*, теория экономической динамики и предпринимательской деятельности Шумпетера в настоящее время широко признана в экономическом мире. Однако неоклассическая теория не впитала ее и продолжает оставаться на позициях рыночного равновесия, что сыграло далеко не последнюю роль во втягивании мировой капиталистической экономики в первый глобальный кризис, разразившийся в мире во второй половине 2008 года.

Основные идеи Шумпетера насчет инноваций как первоосновы предпринимательства, экономического роста и развития были широко востребованы западными экономистами и социологами во второй половине XX века в результате “эффекта советского Спутника” и не утратили своей актуальности до настоящего времени. После эпохального события — вывода на орбиту первого искусственного спутника Земли — “инновационная цепочка Шумпетера” (“изобретение–внедрение–распространение”) была преобразована на Западе с учетом советского опыта в следующую формулу: “НИОКР–изобретение–внедрение–распространение–экономический рост и развитие”. С вводом ее в действие изобретение, которое ранее чаще всего считалось “ожидаемым” и “случайным” элементом в инновационном процессе, превратилось в планируемый и финансируемый компонент в рамках научных исследований и разработок (НИР), поддерживаемых как государством, так и частным бизнесом с целью реализации, в терминах Шумпетера, “созидательного разрушения”. Это обстоятельство, наряду с другими, позволило западной экономике во второй половине XX века совершить стремительный научно-технический и технологический прорыв.

Одной из причин ренессанса шумпетерианства после смерти Шумпетера было также то, что он никогда не увлекался построением формальных математических моделей равновесия, которые не опираются на конкретные экономические факты. По признанию видного американского экономиста Василия Леонтьева на страницах журнала “Science” в июле 1982 года, более половины статей, опубликованных в “American Economic Review”, состояло в то время из математических моделей, не имеющих никакого отношения к каким-либо данным. В противовес таким экономистам Шумпетер стремился познать природу экономических и социальных изменений на основании влияния человеческого фактора на них и обосновать его роль в обеспечении экономического роста и развития. Со временем основные элементы шумпетеровской теории экономического развития стали применяться в прикладных исследованиях в целях интерпретации множества метаморфоз хозяйственной жизни, представляющих практический интерес как для социологов, так и для экономистов.

“Шумпетерианский акцент на инновации — диффузии как источнике роста (а также на технологической конкуренции как механизме ее реализации) оказал сильное влияние на исследовательскую повестку дня в этой области в конце 1960-х годов, особенно среди ученых, ориентированных на эмпирические исследования. Влияние на “высокую теорию” — на высоко математизированные формальные модели равновесия, которые вызывали восхищение у Шумпетера, но мало использовались им в его работах, проявилось намного позже, приблизительно в 1990-е годы. И хотя это оказало большое воздействие на эту специфическую область науки, теоретические модели, полученные в результате этого, удивительно мало сказались на прикладной повестке дня” [Fagerberg, 2003], — отмечает сотрудник Центра по исследованию технологий, инноваций и культур Университета Осло Ян Фэйджерберг. Это еще раз доказывает всю сложность и противоречивость синтеза теоретической и эмпирической математической экономики, тщетно пытающейся загнать человеческий фактор в прокрустово ложе формальных математических уравнений.

Справедливости ради следует отметить, что отношение Шумпетера к математике на протяжении всей жизни оставалось двойственным. С одной стороны, он не только признавал и уважал, но и всячески продвигал математическую экономику и эконометрику. С другой стороны, как у самоучки (Шумпетер самостоятельно изучал математику и труды экономистов-математиков от Антуана Огюстена Курно до Кнута Вихселя) у него навсегда осталось чувство неуверенности в отношении использования математических методов в экономике. Говоря о математической экономике, Шумпетер признавался: “Я иногда чувствую себя в положении Моисея, когда, увидев Землю Обетованную, он заявил, что сам не сможет на нее ступить” [Шумпетер, 2008: с. 11].

Противоречия между теорией и практикой в современной экономике в значительной мере объясняются полной методологической несостоятельностью нынешней неоллиберальной экономической науки. Последняя зачастую представляет собой сегодня сборную солянку различных теоретических идей, далеко отстоящих от требований реальной социальной и экономической жизни. Вполне понятно, что для воплощения в жизнь таких идей в интересах обогащения олигархических кланов последним понадобились специфические субъекты околонучной деятельности, известные в настоящее время как “чикагские мальчики в коротких штанишках”. Эти воспитанники духовного гуру неоллиберализма М.Фридмана из Чикагского университета привели к коллапсу постсоциалистическую экономику на исходе XX века и мировую экономику на пороге нового века и не видят выхода из созданной ими же хаотической ситуации. На опасность засилья таких специалистов в США и других странах Комитет выдающихся ученых Американской экономической ассоциации обратил внимание еще в 1991 году, подчеркнув, что “программы для соискателей ученой степени (в области экономики) могут привести к производству поколения слишком многих талантливых идиотов, квалифицированных в технике, но невежественных в реальных экономических вопросах” [American Economic Association, 1991: p. 1044–1045]. Представляется очевидным, что нынешний глобальный кризис служит лучшим подтверждением правильности этого предостережения.

Продолжающаяся дивергенция между экономической наукой и практикой побуждает многих современных экономистов возвращаться к трудам

Шумпетера, в которых предприниматель был поставлен в центр экономического развития. В этом контексте автор “Теории экономического развития” проводил четкую разграничительную линию между фигурами предпринимателя-новатора как основного двигателя экономического прогресса и “просто бизнесмена”, действующего в рамках традиционного экономического кругооборота. По его мнению, последний может претендовать на звание предпринимателя только в том случае, если он дает инновационные ответы на вызовы современности, а не продолжает заниматься обычной рутинной деятельностью по производству товаров и предоставлению услуг. Главная функция шумпетеровского предпринимателя состоит в том, чтобы “делать новые вещи или делать вещи, которые уже делаются, новым (инновационным) способом” [Schumpeter, 1991: p. 412].

По оценке американского социолога А.Мартинелли, анализ предпринимательства находится в центре шумпетеровской теоретической системы и является теоретически релевантным в отношении всех трех поставленных им основных вопросов: связь между предпринимательством, инновацией и лидерством в его теории экономического развития; отношение между предпринимательской функцией и буржуазным классом в его анализе социальных классов; а также постепенно исчезающий предприниматель как ключевой фактор в объяснении кризиса капитализма. Особенно важен вывод Шумпетера о том, что предпринимательская деятельность в индустриальную эпоху требует особого типа личности и поведения, которое отличается от простого, рационального поведения экономического человека. Ибо предпринимательская инновация является в основном созидательным актом, отклоняющимся от буржуазной культуры, которая определяет рациональность уже — с точки зрения расчета краткосрочных преимуществ, а лидерство предпринимателя предполагает обладание способностью мыслить по-новому, схватывать существенное, действовать быстро, понимать интуитивно [Martinelli, 1994: p. 478–479].

Наряду с разработкой важнейших аспектов проявления человеческого фактора в условиях капитализма Шумпетер внес весьма весомый вклад в создание и становление социоекономики — междисциплинарной области научного познания, включающего в себя следующие основные направления: 1) экономическую теорию; 2) экономическую историю (включая экономическую антропологию); 3) экономическую социологию; 4) экономическую статистику. В этом контексте экономическая социология должна иметь свой собственный профиль, а также уметь сотрудничать и сосуществовать с экономической теорией, экономической историей и экономической антропологией [Smelser, 1994: p. 13]. Весьма показательно, что Шумпетер всегда стремился всесторонне рассматривать любое явление экономической жизни в историческом контексте. Говоря о методологических проблемах исследования предпринимательского феномена, Шумпетер в своих “Комментариях к плану изучения предпринимательства” особо подчеркивал: “Предприниматели не являются экономическими людьми в теоретическом смысле. Кто они есть на самом деле, как они действительно работают, каковы условия их свершений и неудач, как они, в свою очередь, помогают формировать условия, в которых они действуют, и прежде всего можно ли сделать какие-либо значительные обобщения по этим вопросам — такие сведения можно почерпнуть только в истории”. И далее: “В нашем случае, теория, в сущности, является историей” [Schumpeter, 1991: p. 408].

На основании всестороннего анализа исторической эволюции предпринимательства Шумпетер выделяет три стадии динамичной предпринимательской деятельности, которые характеризуются постоянным нарушением равновесия: первая — большие затраты на инновации и никакого дохода; вторая — реализация инноваций превращает предпринимателя в монополиста, при этом получается высокий монопольный доход; третья — в отрасли приходят конкуренты, цены снижаются, монопольная прибыль исчезает. Надо снова начинать инновационный процесс. В определении содержания предпринимательства Шумпетер исходил из того факта, что в индустриальную эпоху производство представляет собой некоторую комбинацию сил и средств. Задача же предпринимателя состоит в том, чтобы своевременно и правильно сочетать их в своей инновационной деятельности. В соответствии с системой взглядов Шумпетера, новообразованные рискованные предприятия «более весомы в осуществлении «новых комбинаций», чем давно учрежденные фирмы» [Cheng, 2009: p. 330].

Шумпетер неоднократно подчеркивал в своих трудах, что инновация является детищем предпринимательства, а предприниматель — творцом и создателем инноваций; он также сформулировал и ввел в научный оборот понятие «инновационный процесс» как реализация «инновационной цепочки Шумпетера»: «изобретение — внедрение — распространение (диффузия)». В своей работе «Капитализм, социализм и демократия», вышедшей в свет через 30 лет после «Теории экономического развития», он снова подтвердил свою приверженность видению предпринимательства как пяти типов «новых комбинаций». Функция предпринимателя, по его мнению, заключается именно в том, чтобы реформировать или революционизировать способ производства с целью «производства новых товаров или производства старых товаров новым способом посредством открытия новых источников материального снабжения или новых рынков сбыта, или посредством реорганизации промышленности и т.д.» [Schumpeter, 1962: p. 132].

Предпринимательство в интерпретации Шумпетера не имеет ничего общего с так называемым бумажным предпринимательством, получившим широкое распространение во всем мире на исходе XX века, в том числе и в постсоветском пространстве в период приватизации, под прикрытием которой осуществлялось разграбление общенародного достояния в большинстве «суверенных» осколков СССР. Сущность «бумажного предпринимательства» — любимого занятия экономических элит в наши дни — сводится к концентрации производства и капитала за счет приобретений, слияний и поглощений. В результате этого, как отмечает канадская исследовательница Д.Фрэнсис, «экономика становится настолько концентрированной, что горстка промышленных или финансовых магнатов сосредоточивает в своих руках чрезвычайное политическое влияние» [Francis, 1986: p. 282]. Такое «предпринимательство» совсем не ведет к увеличению национального экономического пирога, но оно позволяет воротилам индустриального и финансового мира перераспределять народное богатство в свою пользу, что и происходит сейчас во всем мире. В этих условиях, как отмечает Д.Фрэнсис: «Между семейными империями, зонами полномочий или влияния менеджмента и правительствами остается немного пространства — или возможностей — для подлинных предпринимателей» [Francis, 1986: p. 283].

Украина в тисках инновационного дефолта

Кто они, подлинные предприниматели, в научном толковании Шумпетера? Прежде всего они — новаторы, на свой страх и риск иницилирующие учреждение нового дела с целью получения экономической выгоды (прибыли). Для этого они берут банковский кредит, который используют в целях приобретения и объединения всех необходимых факторов производства, чтобы “делать не то, что делают другие”, или “делать не так, как делают другие”. В решении этой важнейшей инновационной задачи заключается особая функция предпринимательства в социально-экономическом процессе развития — функция экономического лидерства и новаторства, позволившая капитализму, особенно в индустриальную эпоху, развить колоссальные производительные силы. С исчерпанием возможностей этой предпринимательской функции, как подчеркивал на страницах своего труда “Капитализм, социализм и демократия” Шумпетер, наступает неизбежный закат капитализма. Не исключено, что нынешний глобальный финансово-экономический кризис является “очередным звонком” в этом отношении старому строю.

Шумпетеровский предприниматель — человек особого типа, с особым хозяйственным настроем и особой трудовой мотивацией, это неутомимый поборник инновационного пути экономического развития. Он отличается от “просто хозяина” поведением и мотивами производственной деятельности, интеллектом и кругозором, интуитивным чутьем и волевыми качествами. По мнению Шумпетера, предприниматель в своей хозяйственной деятельности выбирает “лучший из возможных вариантов”, “просто хозяин” — “самый выгодный из привычных, испробованных на практике вариантов”. Предприниматель “строит дорогу”, “идет против течения”; “просто хозяин” — “идет по готовой дороге”, “плывет по течению”. “Новшество всегда связано с риском, большинство продуцентов не отваживается на него” [Шумпетер, 2008: с. 232], — писал в свое время Шумпетер. Совершенно очевидно, что экономическая “элита” Украины (вследствие специфики ее формирования в период массовой “прихватизации” страны) ни одним из названных качеств не обладает. Это сыграло существенную роль в том, что Украина после 20 лет реформирования своей экономики под эгидой собственных “младореформаторов” оказалась на задворках развитых стран.

В значительной мере это было также обусловлено тем, что из двух возможных путей экономического развития — мальтузианского и шумпетерианского, утвердившихся в мире после Второй мировой войны, Украине был навязан первый из них, предназначенный для уничтожения потенциальных конкурентов стран “золотого миллиарда” и превращения “новых рыночных экономик” в постоянных поставщиков дешевого сырья, без которого не может существовать современный “цивилизованный капитализм”. В этом выборе пути развития для Украины отчетливо просматриваются двойные стандарты американского экономического мейнстрима. Последний предлагает для внутреннего потребления и на экспорт два принципиально разных, противоположных вида экономической деятельности — шумпетерианский и мальтузианский. Первый из них рекомендуется развитым странам, второй с помощью глобализаторской “несвятой троицы” — Всемирного банка (ВБ), Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирной торговой органи-

зации (ВТО) — навязывается всем остальным странам мира, которым отводится роль сырьевого придатка современного транснационального неолиберального капитализма.

Вследствие такой запрограммированной специализации развития страны “центра” (“ядра”) в итоге осуществления шумпетерианской экономической активности получают постоянно возрастающую отдачу, а технологические изменения в них приводят к снижению стоимости производства и, таким образом, открывают возможность для получения технологической ренты, которая в принципе может распределяться между капиталистами, наемными рабочими и правительством. В то же время “периферийные” страны, следующие в русле навязанной им развитыми странами мальтузианской экономической активности, после прохождения определенной точки в своем развитии неизбежно сталкиваются с повышением издержек на единицу продукции. Это — главный, вмонтированный в экономику стран-экспортеров сырья механизм, не позволяющий им вырваться из западни бедности в отсутствие национального производственного сектора и постоянно ведущий ко все большей и большей социально-экономической поляризации богатых и бедных стран [Reinert, 2003].

Названные два вида экономической деятельности были апробированы американской империей после Второй мировой войны. *Шумпетерианский подход* был испытан в странах Западной Европы в период реализации плана Маршалла и привел к благодатным результатам для США и многих западноевропейских государств — жертв гитлеровской агрессии. *Мальтузианский подход* стал трагическим экспериментом империализма США в период осуществления в Западной Германии плана министра финансов США Генри Моргентау с целью демилитаризации и превращения ее в “земледельческое и скотоводческое государство”. Под прикрытием демилитаризации Западной Германии Соединенные Штаты фактически проводили ее деиндустриализацию, с тем чтобы устранить своего давнего основного конкурента в Западной Европе. Это привело к массовому голоду в Западной Германии в 1947 году, что заставило США отказаться от идеи “демилитаризации” этой страны и срочно приступить к претворению в жизнь плана Маршалла на ее территории. Американский опыт “демилитаризации” Западной Германии, сопровождавшийся уничтожением всех основных отраслей промышленности страны, наглядно показал, что без индустриальной базы страна не может решать продовольственный вопрос и обречена на массовый голод, не говоря уже о реализации задач инновационного развития [Cook, 1983: p. 198; Reinert, 2003]. Об этом трагическом эксперименте в истории Западной Германии следовало бы помнить проводникам украинских “экономических реформ”, которые привели к деиндустриализации страны. Особенно с учетом вывода-предостережения известного норвежского экономиста Э.Райнерта о том, что за деиндустриализацией, как правило, следует деагрикультурализация, а за ней — депопуляция страны [Райнерт, 2011: с. 283].

Комментируя принципиальные отличия планов Маршалла и Моргентау, Райнерт пишет: “Нация, сосредоточенная на мальтузианском типе активности, будет оставаться бедной, в то время как нации, сосредоточенные на шумпетерианском типе активности, будут поднимать уровень зарплаты и стандарты жизни. Рост мальтузианской активности за счет шумпетерианской активности находится в центре любого плана Моргентау, а также в цен-

тре планов, скрывающихся под прикрытием “структурного приспособления” в 1990-е годы. По нашему мнению, Мальтус был прав, когда предсказывал, что человеческая зарплата всегда будет находиться на уровне прожиточного минимума. Исторический опыт однозначен в этом отношении: только шумпетерианский тип активности в состоянии избавить нации от бедности” [Reinert, 2003]. Однако симбиоз ВБ и МВФ в основу своей реформаторской и глобализаторской деятельности в странах СНГ положил мальтузианские, а не шумпетерианские постулаты. В этой связи Э.Райнерт справедливо отмечает: “История открывает нам, как богатые страны богатели при помощи методов, которые сегодня практически полностью запрещены условиями Вашингтонского консенсуса” [Райнерт, 2011: с. 43].

Как известно, выполнение императивных требований Вашингтонского консенсуса “новыми рыночными странами” является обязательным условием получения кредитов (“золотого корсета”) ВБ–МВФ. Последние же не столько способствуют реформированию экономик “второго” и “третьего” миров, сколько опутывают их непомерными внешними долгами и тесно привязывают своих заемщиков к мальтузианской колеснице, несущей должников в одном направлении — в экономическую пропасть. За примерами в этом отношении далеко ходить не надо. Их с лихвой хватает и в Украине, ставшей должником № 2 перед МВФ (после Румынии), стремительно теряющей свою способность к воспроизводству государственного суверенитета вместо обещанного возвращения в “мировую цивилизацию” и Европу на правах равноправного партнера. Однако двадцать лет следования Украины по мальтузианскому пути завели ее — одну из наиболее развитых, богатых и процветающих советских республик — в исторический тупик, из которого придется выбираться не одному поколению наших соотечественников.

В соответствии с современными экономическими теориями темпы экономического роста зависят от многих факторов; к ним относятся исходный уровень развития страны и культуры населения, наличие передовых технологий и развитых институтов, геополитическая ситуация, политические решения властных структур, реальное состояние демократии и т.д. Соотношение указанных факторов, а также роль каждого из них, как демонстрирует историческая ретроспектива, разнятся. Это дает основание считать, что в долгосрочной перспективе темпы экономического роста в отдельных странах будут неодинаковыми, при этом факторы опережающего роста также будут разными. Определяющая роль в этом отношении будет принадлежать качественным изменениям, которые привели к становлению новой геополитической и геоэкономической конфигурации мира на рубеже двух тысячелетий.

Обеспечение высоких темпов развития экономики Украины возможно только на основании реализации опережающего, а не навязанного нам “догоняющего” развития. Это требует активизации роли государства в экономике и перехода страны к инновационному развитию посредством освоения базисных технологий нового технологического уклада прежде всего в тех отраслях, в которых у Украины есть соответствующие научно-технологические наработки.

Совершенно очевидно, что обеспечить экономический рост в Украине в настоящее время очень трудно, поскольку в экономике страны за годы рыночного реформирования произошли существенные негативные изменения, которые привели к деиндустриализации народного хозяйства и межот-

раслевым перекосам. Наибольшие отличия промышленной структуры Украины от мировых показателей заключаются в крайне низком удельном весе являющегося основой научно-технологического прогресса машиностроения, а также легкой промышленности. С социологической точки зрения первое служит главной нишей инновационного развития и оказывает важное влияние на формирование социальной структуры общества, вторая же решает задачи удовлетворения насущных потребностей людей и вносит весомый вклад в укрепление безопасности и независимости страны от иностранных поставок. Деградация машиностроения и легкой индустрии в нашей стране серьезно подрывает способность Украины к воспроизводству государственного суверенитета.

В XX веке объем мирового промышленного производства увеличился в 26,5 раза, а машиностроения — в 94,5 раза с коэффициентом опережения 3,6. Эта тенденция продолжает действовать и в последние годы, что содействует росту доли машиностроения в структуре промышленного производства, которая в период 1950–2000 годов в развитых странах повысилась с 22,4% до 45,3%, или в два раза. В Украине же, наоборот, доля машиностроения в период рыночных преобразований сократилась с 30% до 13%, или в 2,3 раза. В то же время доля сырьевой продукции в объеме реализованной продукции добывающей и перерабатывающей промышленности составила 69,6%, а инвестиционной — всего 14,6%, что весьма существенно снижает эффективность украинской экономики [Україна–2015, 2008: с. 30, 31–32].

В структуре промышленности Украины сохраняется доминирование производства продукции с низкой добавленной стоимостью. Доля металлургической промышленности в общем объеме реализованной промышленной продукции в 2010 году составила 21,3%, производства и распределения электроэнергии, газа и воды — 17,4%, пищевой промышленности — 16,7%, добывающей — 11,4%. В целом промышленность Украины характеризуется высокой технологической отсталостью и низкой инновационной активностью субъектов хозяйствования, устаревшей структурой ее обрабатывающей части, усилением технологической зависимости от экономической развитых стран мира [Модернізація України, 2011: с. 60].

Преодолеть эту опасную для Украины тенденцию возможно только посредством перехода к неошумпетерианской парадигме экономического роста и развития, в основу которой положен инновационный процесс. Как известно, Украина входит в пятерку стран мира, владеющих самыми передовыми аэрокосмическими технологиями: из 22 базовых технологий ракетно-космической отрасли она владеет 17. В то же время доля отечественной наукоемкой продукции на мировом рынке высокотехнологических товаров составляет 0,05–0,1%. В целом в Украине около 95% объема произведенной продукции относится к 3-му (60%) и 4-му укладам. Доля продукции высших технологических укладов в экономике страны составляет 4% для 5-го уклада и 0,15% для 6-го уклада. Рост ВВП за счет внедрения новых технологий в Украине оценивается всего лишь в 0,7%, тогда как в развитых странах этот показатель достигает 60% и даже 90% [Україна–2015, 2008: с. 51, 52].

Уровень финансирования исследовательской и инновационной деятельности в Украине существенно отстает от реальной практики в этом отношении в развитых государствах мира. В частности, страны-члены Европейского Союза (ЕС) расходуют на научные исследования и разработки

(НИР) 25–30% от общих ассигнований на содержание высшей школы, наша страна — немногим больше 3%. На науку и исследования в Украине выделяется 0,9% ВВП, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — 2%, в Японии и США — около 3%, в соответствии с Лиссабонской стратегией — до 3% [Модернізація України, 2011: с. 46]. Сохраняется тенденция сокращения научных кадров в стране. В постсоветский период их количество уменьшилось больше чем в три раза. В соответствии с данными Госкомстата Украины, приведенными в сборнике “Наука та інноваційна діяльність (1990–2010 рр.)”, в 2010 году количество работников научных учреждений страны составляло 141 тыс. (причем уменьшение за год по сравнению с первым полугодием предыдущего года достигло 1,4 тыс.), но эта численность включала 16 тыс. техников и 26 тыс. вспомогательного персонала. Количество же собственно исследователей не превышало 73,5 тыс. (из них 17 тыс. кандидатов и 4,5 тыс. докторов наук).

Отсутствие инвестиционных ресурсов привело к крайне медленному внедрению новейших технологий и сползанию Украины к сырьевой модели экономики. Статистические данные свидетельствуют о падении инновационной активности во всех сферах деятельности. Если в 2000 году 18% предприятий занимались инновациями, то в 2010-м — 13,8%. Объем выполненных научных и научно-технических работ в фактических ценах растет, а по удельному весу в ВВП падает: в 2000 году он составлял 1,16%, а в 2010 году — 0,9%. На предприятиях промышленности ситуация, которая сложилась с внедрением инноваций и их реализацией, выглядит угрожающе. В 2010 году всего 11,5% предприятий внедряли инновации, а удельный вес реализованной продукции в объеме промышленной продукции составил 3,8%. Причем последний показатель ускоренно снижается, что приводит к еще большей примитивизации национальной экономики. Свидетельством этому является деградация оборонно-промышленного комплекса, падение удельного веса в промышленности машиностроения с более чем 30% в конце 1980-х до 10% в настоящее время и соответственно увеличение доли металлургии. Учитывая, что данная отрасль является экспортной, энергоемкой (в Украине энергоемкость ВВП в 2,5 раза выше среднего уровня энергоемкости ВВП развитых стран), нам на фоне мирового избытка сталелитейных мощностей становится все труднее выдерживать конкуренцию. Вместе с тем возрастает зависимость от внешнего фактора, так как более половины украинского ВВП сегодня создают экспорто-ориентированные отрасли экономики, которые производят металл, химию, сельхозпродукцию. Их продажи на мировом рынке непосредственно влияют как на курс национальной валюты, так и на спрос и предложение названных товаров, что обуславливает нестабильность и кризисную ситуацию.

В то же время по инновационной деятельности Украина далеко отстает не только от индустриально развитых стран, но и от своих ближайших соседей. Например, количество использованных патентов, выданных в США, в 2008 году, равнялось 279,3 на миллион населения в Тайване, 263,3 — в Японии, 250,9 — в США, 166,6 — в Израиле, 156 — в Южной Корее и только 0,5 — в Украине. Показатель количества использованных в производстве патентов, выданных в США, на один миллион населения в 2008 году в соседних с Украиной странах был таким: Венгрия — 6,6; Чехия — 4,7; Болгария — 2,1; Польша — 1,4; Россия — 1,2; Словакия — 0,9; Турция — 0,2. По названному

показателю Украина опережала только Турцию и Молдову. В 2008 году количество патентов на изобретения, выданных в патентном ведомстве США гражданам России, составило 176, гражданам Венгрии — 66, Чехии — 48, Польши — 54, Украины — 21 [Технологічний імператив, 2011: с. 227–228]. Из этого следует, что неумная эйфория по поводу “светлого капиталистического будущего”, охватившая недавно правящие круги в связи с 20-летием независимости Украины, не имеет никаких оснований и может только способствовать углублению инновационного дефолта в нашей стране.

Характеризуя состояние инновационного процесса в Украине, необходимо учитывать неуклонное старение основных средств производства в стране. Согласно данным Министерства экономики Украины степень их износа в 2000–2009 годах возросла с 43,7% до 60%. Украина так и не вышла из инвестиционного кризиса, начавшегося с разрушением СССР. Если в 1991 году объем инвестиций в основной капитал по сравнению с 1990 годом составлял 92,9%, то в 1995-м этот показатель равнялся 29,1%, в 2000-м — 25,2%, в 2009-м — менее 60%. В таких условиях страна сможет ежегодно обновлять основные фонды всего на 4–6%. Это означает, что в стране будут и далее оставаться крайне низкие показатели эффективности экономики.

Один из важнейших показателей эффективности экономики — производительность труда — в Украине находится на уровне минувшего столетия. Согласно сравнительному анализу, производительность труда по ППС в Украине на протяжении 2001–2008 годов составляла 12,2–16,4% производительности труда США, 15,9–22,2% — Германии, 13,4–19,6% — Франции, 16,1–21,2% — Великобритании, 17,6–23,6% производительности труда Японии. В сравнении с новыми странами-членами Евросоюза производительность труда в Украине в 2008 году составляла 30–33% производительности труда Чешской Республики, Венгрии, Словакии, 38% — Польши, 50,4% и 55,6% производительности труда, соответственно, России и Румынии. Оценивая темпы ВВП на среднесрочную перспективу, для достижения уровня производительности новых стран-членов Евросоюза и высокоразвитых стран при осуществлении комплексного подхода к модернизации экономики Украины необходимо 10–15 лет [Соколик, 2011: с. 97, 101]. Все это убедительно говорит о том, что процесс закрепления за Украиной низкотехнологических сфер производства будет нарастать и в ближайшие годы, невзирая на всяческие многообещающие разговоры о переходе страны на инновационный путь развития.

Предпосылки перехода Украины на инновационный путь развития

Мировой опыт убеждает в том, что процветание начинается тогда, когда благодаря значительной разнице в эффективности между внедренной и выведенной из эксплуатации техникой и высокой норме капиталовложений достигаются наивысшие темпы прироста в определенной совокупности стран, прежде всего в стране-лидере. Высокие нормы вложений в основной капитал означают, что затраты потенциала НТП происходят быстрее его накопления. Таким образом, со временем сокращается разрыв в эффективности между внедренной и выведенной технологией. Снижение отдачи на основной капитал может до определенного времени компенсироваться дальнейшим увеличением норм капиталовложений ради возрастания массы

прибыли. Иначе говоря, несмотря на то, что каждый шаг означает уменьшение движения на пути возрастания эффективности, количество шагов в единицу времени увеличивается, то есть ускоряется обновление технической базы, что позволяет поддерживать темпы прироста производительности (более подробно по этому вопросу см.: [Клинов, 2002: с. 12]).

Принимая во внимание тот факт, что простое возрастание объема инвестиций будет содействовать воспроизводству устаревших технологий и консервации экономической отсталости страны, противодействуя структурным изменениям, необходимо достичь резкого расширения инновационного наполнения инвестиций, а средствами импортной политики способствовать импорту инвестиционно-технологических ресурсов из развитых стран при сохранении экономически эффективной кооперации с СНГ, особенно в области инвестиционного машиностроения.

Приоритетной составляющей концепции опережающего развития для Украины должно стать определение отраслей-лидеров, которые могли бы быстро интегрироваться в современный глобальный мир. От этого будет зависеть повышение конкурентоспособности, с одной стороны, и доступ к новым технологиям и ноу-хау — с другой, что позволит значительно повысить производительность труда. Такие отрасли должны быть нацелены на все возрастающий экспорт. Экспортными товарами могут быть не только современные самолеты или космическая техника, но и другие товары и услуги (например, сахар, подсолнечное масло, фрукты, туризм и т.д.). Главное, чтобы товары, предназначенные для экспорта, производились на уровне современных достижений НТП и отвечали запросам потребителей.

Вполне очевидно, что экономисты и социологи-аналитики должны более критично и принципиально проанализировать реформаторскую практику постсоциалистических стран на Западе и на Востоке, чтобы сделать обоснованный выбор модели хозяйствования, обеспечивающей не только наиболее динамичный способ развития, но и возможность практического решения задачи догнать страны “золотого миллиарда” в экономическом, технологическом и социальном плане. Это поможет дать ответ на вопрос: стоит ли всем странам планеты строить единую модель развития без учета особых интересов отдельных народов? Важно понять, какие средства и методы формирования информационного общества, основанного на демократии, и каким образом будут применяться: внедрение информационно-коммуникационных технологий посредством обмена экономической деятельностью или войны и организованное насилие, как это делается сегодня в Ираке и Ливии.

Многолетняя практика социально-экономических преобразований в бывших социалистических странах доказала ошибочность упрощенно-схематического подхода к созданию рыночного механизма хозяйствования в короткие сроки посредством разгосударствления и приватизации. Устранение государства из экономической сферы, лишение его прав собственности не вызвало экономического подъема и повышения эффективности на предприятиях негосударственной формы собственности.

Сегодня немало экономистов, социологов и политологов считают, что в Украине завершился переходный период и состоялся переход к новому типу хозяйствования. В таком случае возникают вопросы, во-первых, что это за тип ведения хозяйства, а во-вторых, удовлетворяет ли он преобладающее большинство населения Украины?

По нашему мнению, современное состояние развития Украины свидетельствует о следующем:

1. В Украине создана структура бюрократического олигархического капитализма, основанная на плутократической форме собственности, в которой определяющую роль в социально-экономической жизни играют внеэкономические факторы и, в первую очередь, монопольно коррумпированные субъекты. В такой структуре экономическое развитие определяется сквозь призму групповых, частных интересов в ущерб общенациональным интересам.

2. Государство утратило контроль над экономикой, не способно воспроизводить современную модель рыночной экономики, поддерживать конкуренцию, гарантировать стабильность экономической системы. По объему ВВП страна до сих пор не вышла даже на уровень 1991 года, жизненный уровень населения находится ниже дореформенного периода. Произошло резкое падение индекса человеческого развития. Страна “держится на плаву” в основном за счет советского потенциала, созданного до 1991 года. Экономика по своей структуре не может функционировать на уровне требований современной технологической революции.

3. Мизерной остается возможность государства вкладывать финансово-экономические средства в человеческий капитал. Это блокирует переход страны к инновационной модели развития, повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке. Если действующая система останется неизменной, страна перейдет на латиноамериканский путь развития. Подобное положение вещей не может удовлетворять народ Украины, за исключением незначительной части его в лице правящей верхушки. Украинское общество настоятельно нуждается в радикальных и комплексных переменах во всех сферах жизни страны. Наиболее важными из них, по нашему мнению, являются три.

Первая и определяющая из необходимых перемен состоит в том, чтобы возродить в Украине национально-патриотическую духовную элиту¹, которая бы ставила на первый план именно идею служения своему народу, так как нынешняя украинская “элита” — экономическая и политическая — все свои усилия, средства и мысли направляет на тотальное присвоение мате-

¹ Принимая во внимание недостатки человека (зависть, склонность к обману и накоплению богатства, стремление подчинить людей и управлять ими и др.), мировая интеллектуальная элита серьезно обсуждает последние 30 лет проблемы постбиологической и постчеловеческой цивилизации, в которой главную роль играли бы разумные машины. Это, по их мнению, позволит высвободить интеллект человека от биологической ограниченности и рулетки наследственности. Искусственный интеллект и искусственная жизнь будут способствовать тому, что природа овладеет собой через человека, который поддается власти мыслящих машин и будет выполнять подчиненную им роль.

Человечество вольно или невольно передаст машинам все полномочия решать и действовать. Ведь мир, в котором все больше функций выполняют системы думающих машин, становится настолько сложным, что контролировать его смогут только машины.

В связи с этим возникает вопрос: смогут ли люди контролировать действие разумных машин? Возможно, это будет “технологическая элита”, власть этой элиты над “массами” будет абсолютной. В силу этих обстоятельств, как пишет А.Горц: “Техническая наука в союзе с капиталом сделали мир непригодным для человеческой жизни” (Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. — М., 2010. — С. 136, 138).

риальной собственности, информационного пространства, силовых структур и интегрирование с мировым капиталом. Названная “элита” не брезгует никакими приемами присвоения, отдавая предпочтение перераспределению накопленных ранее обществом благ вместо создания новых. С такими же целями в стране воспроизводятся коррупция, преступность, “черный рынок”. Теневая составляющая отечественной экономики оценивается примерно в 50–60% реального ВВП, а потоки украинских капиталов, отмываемых за границей, по разным оценкам, равняются годовому объему ВВП страны и многократно превышают суммарные иностранные инвестиции в Украину. Вместе с тем в стране нет места воспроизводству и реализации духовного капитала, который отражает вековые ценности украинского народа, что подрывает веру, разъединяет нацию и стимулы к развитию.

Вторая переменная сводится к выработке единой идеологии и цели политического курса. Мировой опыт убеждает, что дело не в том, чтобы внедрять ту или иную модель роста, которая стала эффективной в определенной стране, проводить жесткую или мягкую, монетарную или дирижистскую экономическую политику, а в ином. Модель роста должна быть теоретически обоснованной, учитывать всю систему интересов общества и направлять их на достижение поставленных целей. Только это позволяет претворять в жизнь реально обоснованные цели, которые обеспечивают социальные приоритеты и моральные ценности народа страны.

Единая идеология и цель политического курса, объединяющие все группы и слои общества, классы и партии, способны возродить стимулы к труду, содействовать становлению гражданского общества и действенной системы социального диалога.

В основе единой идеологии должны быть: во-первых, философия объединения интересов личности — предприятия — региона — государства, а не подчинения их корпоративно-клановым интересам, ставшим монопольными; во-вторых, согласование принципов экономической эффективности и социальной справедливости. Именно это позволило бы построить современную модель рыночной экономики с высокой эффективностью и социальной направленностью. Утверждение инновационной модели развития также требует радикальной технологической структуры и, в первую очередь, восстановления машиностроения и развития практически отсутствующего в Украине пятого и шестого технологических укладов.

Таким образом, эффективная модель современной рыночной экономики, в которой в конечном итоге было бы заинтересовано большинство населения страны, может быть воплощена в жизнь при условии создания национальной экономики, которая минимизировала бы противоречия между всеми субъектами общества, содействовала бы развитию конкуренции и преодолению монополизма, стимулировала бы высокоэффективный интеллектуальный труд, предполагала бы общественный контроль за доходами и расходами субъектов, правовую защиту каждого из них в соответствии с законом.

Третья переменная должна четко определять направления, пути и способы вхождения национальной экономики в глобальное пространство при наиболее полной реализации национальных интересов. Осуществить это в Украине наиболее вероятно в содружестве со странами СНГ и в первую очередь с Россией, Беларусью и Казахстаном.

Последнее обусловлено тем, что ни научные, ни технологические разработки страны Запада с нами развивать не будут, как не будут они это делать и с иными странами СНГ. В этом нас убеждает опыт “стратегического” и “партнерского” сотрудничества Украины с США, а также интеграционного заигрывания со странами Евросоюза. Во-вторых, экономические, научно-технические и другие отношения Украины с Россией и другими странами СНГ являются традиционными и масштабными (доля данного региона составляет свыше 44% общего объема внешней торговли Украины). Наши страны имеют единые научные школы и технологические подходы, что очень важно при разработке современных технологий.

Страны СНГ занимают 16,3% мировой территории, обладают 25% всех запасов природных ресурсов, в них сосредоточено 10% мирового промышленного производства, 12% научно-технического потенциала, 10% ресурсообразующих товаров. Потенциальные возможности емкости рынков стран Содружества оцениваются приблизительно в 1600 млрд долл. [Зиядуллаев, 2000: с. 114, 120]. Все это является прочной и надежной базой для создания общего рынка, что будет способствовать возрастанию конкурентоспособности и занятию достойного места в мировом разделении труда.

Только интегрировавшись в пределах СНГ, бывшие советские республики смогут в условиях глобализации и регионализации наиболее полно реализовать свои потенции. Тем самым страны-члены СНГ сделали бы верный шаг на пути преодоления своего отставания по основным определяющим показателям инновационного развития от стран Евросоюза и других региональных объединений промышленно развитых капиталистических стран. Иного не дано, ибо западные финансовые потоки, если они и будут направлены в сторону стран с “переходной экономикой”, устремятся в производство/добычу сырья и создание производственной инфраструктуры, а не в сферу продвижения научно-технологической и информационной революции.

Обострение национальной и глобальной конкуренции обуславливает необходимость новых форм вмешательства государства в экономику, направленного на повышение технологического уровня и конкурентоспособности национальных отраслей хозяйства. Таким образом, активное влияние государства на названные процессы, проведение им промышленной и аграрной политики, адекватной вызовам глобализации, должно стать важным фактором прогрессивного развития страны, защиты ее национальных интересов. В связи с этим Украине необходимо разработать новые концептуальные принципы государственного регулирования, которые на основе инновационной модели развития привели бы к резкому подъему темпов экономического роста, значительно превышающих соответствующие показатели развитых стран и всемерно содействующих структурно-технологической модернизации народного хозяйства и повышению благосостояния населения Украины.

В этом контексте кормчим Украины давно пора понять и осознать простую истину: “В войнах прошлого сражались армии и военно-морские флоты. В великих войнах XXI века сражаются ученые, исследователи, инженеры и компании, которые превращают идеи в готовые продукты, продаваемые миллиардам потребителей. В прошлом выигрывающие войны армии имели более совершенное оружие, больше солдат, более мудрых главнокомандующих. В XXI веке в битвах сражаются команды ученых, а достижение

победы требует более креативного разума, лучших идей, лучших лабораторий, лучших способностей коммерциализировать инновации, лучших способностей создавать спрос и продавать новые товары и услуги” [Rybicki, 2010: p. 19–20].

Одержат победу в битвах XXI века в рамках неомальтузианской модели невозможно. К победам в битвах XXI века ведет только и именно неошумпетерианская деятельность, то есть инновационная активность. К сожалению, она предана забвению в Украине. Закономерным результатом этого стал инновационный дефолт Украины. Однако именно на нашей украинской земле, в Черновицком университете 100 лет назад начинал свою научно-педагогическую и научно-исследовательскую деятельность Шумпетер, давший миру инновационную парадигму экономического роста и развития. Последняя вывела в число стран-лидеров многие государства Западной Европы, Северной Америки и Юго-Восточной Азии в прошедшем столетии и могла бы в нынешнем веке сыграть важную роль в спасении Украины от грозящих ей краха и развала. Последние угрозы вполне могут материализоваться в нашей стране, если Украина в ближайшее время не откажется от бесперспективного и ущербного неомальтузианского варианта экономического развития и не выйдет на магистральный путь инновационного ведения народного хозяйства.

Источники

Зиядуллаев Н. Экономика стран содружества в условиях глобализации / Н. Зиядуллаев // Вопросы экономики. — 2000. — № 3. — С. 110–121.

Клинов В. Волновая природа научно-технического прогресса / В. Клинов // Общество и экономика. — 2002. — № 6. — С. 10–21.

Модернізація України — наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. — К., 2011.

Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Райнерт Э.С.; пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автомова. — М.: Издат. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.

Соколик М.П. Продуктивність і оплата праці за паритетом купівельної спроможності в Україні та інших країнах: порівняльний аналіз / М.П. Соколик // Економіка і прогнозування. — 2011. — № 1. — С. 85–103.

Технологічний імператив соціально-економічного розвитку України: [монографія] / [Федулова Л.І., Бажал Ю.М., Осецький В.Л. та ін.]; за ред. д-ра екон. наук Л.І. Федулової. — К.: НАН України; Ін-т екон. та прогноз., 2011.

Україна — 2015: Національна стратегія розвитку. — К., 2008.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Шумпетер Й.А.; предисл. В.С. Автомова; пер. с нем. В.С. Автомова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автомова, Ю.В. Автомова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева. — М.: Эксмо, 2008. — (Серия: Антология экономической мысли).

American Economic Association. Report of the Commission on Graduate Education in Economics // Journal of Economic Literature. — 1991. — Sept. — P. 1035–1053.

Cheng S. Measuring and building high-quality entrepreneurship: a research prospect / S. Cheng, R.R. Stough, R.W. Jackson // Innovation: The European Journal of Social Science Research. — 2009. — Sept. — P. 329–340.

Cook C. Dictionary of Historical Terms: A Guide to Names and Events of over 1,000 Years of World History / Cook C. — N. Y. : Peter Bedrick Books, 1983.

Fagerberg J. The dynamics of technology, growth and trade: A Schumpeterian perspective : Working paper nr. 25/2003 [Electronic Resource] / J. Fagerberg. — Oslo : Centre for technology, innovation and culture, University of Oslo, 2003. — Mode of access : <http://www.duo.uio.no/publ/tik/2004/17038/wp25.pdf>.

Francis D. Controlling Interest: Who Owns Canada? / D. Francis. — Toronto: Macmillan of Canada, 1986.

Lazzaro J. NYU's Nouriel 'Dr. Doom' Roubini: Karl Marx Was Right [Electronic Resource] / J. Lazzaro. — 2011. — 14 August. — Mode of access : <https://www.commondreams.org/headline/2011/08/14-4>.

Martinelli A. Entrepreneurship and Management / A. Martinelli // The Handbook of Economic Sociology ; eds. N.J. Smelser, R. Swedberg. — Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1994. — P. 476–503.

Reinert E.S. Increasing Poverty in a Globalised World: Marshall Plans and Morgentau Plans as Mechanisms of Polarisation of World Income [Electronic resource] / E.S. Reinert — Mode of access : http://www.networkideas.org/featart/aug2003/Inc_Pov_Globalised_World.pdf.

Rybciski K. Development Strategies: A Matter of Choice / K. Rybciski // Science and Society. — 2010. — № 5. — P. 19–25.

Smelser N.J. The Sociological Perspective on the Economy / N.J. Smelser, R. Swedberg // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. — Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1994. — P. 3–26.

Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy / Schumpeter J.A. — N. Y. : Harper Torchbooks, 1962.

Schumpeter J.A. The Economics and Sociology of Capitalism / J.A. Schumpeter ; ed. R. Swedberg. — Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1991.